

И сгустился
туман

•

И забрезжил
рассвет

Джули Си Дао

ИЗВРЕЗЖИИ
РАССВЕТ

И сгустился туман

Книга 2

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 19

Julie C. Dao
SO BLOOMS THE DAWN
Copyright © 2025 by Julie C. Dao
All rights reserved

Перевод с английского Александра Шабрина
Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-30798-8

© А. С. Шабрин, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поезд — на редкость элегантное сооружение, окрашенное в золото и благородную синь, с надраенными до блеска боками. Чугунные колеса проглядывают в клубах серебристого дыма, бесцеремонно взбиваемого сотнями ног всевозможной публики, что озабоченно снует по перрону. Галдят, размахивая своим свежим товаром, мальчишки-газетчики, перекрикиваются поперх скопищ тележек и чемоданов носильщики, а важные кондукторы в форменных сюртуках изучают расписание и строго поглядывают на часы-луковицы.

Посреди этого бурления жизни, полного новых запахов, картин и звуков, я на минуту забываю, кто я такая и чем стала. Забываю, что я отрешилась ото всех, кого любила, причем, возможно, навсегда; что я вопиюще одинока в этом мире и одиночество мое продлится еще не одно столетие. Я просто Люси Вестенра, двадцати лет от роду, трепещущая от волнения в предвкушении своего первого путе-

шествия. Сколько себя помню, я всегда завидовала тем людям, у кого есть возможность странствовать по свету, открывая незнакомые города и страны, а вот теперь и сама отправляюсь в путь. Как трогательно удивилась бы Мина, если бы могла видеть меня сейчас! Мысль о любимой подруге мгновенно рассеивает радость, и кисея темной вуали вздрагивает от глубокого вздоха; на плечи снова давит груз воспоминаний.

Носильщик, приближаясь ко мне по перрону, сдергивает фуражку. Для всех других женщин у него заготовлены обольстительные улыбки, однако при виде моего элегантного черного траурного платья лицо его становится мрачно-серьезным. Я знаю, что похожа на скорбящую молодую вдову со средствами, — именно такой вид стремится придать мне Влад.

— Могу я взять ваши чемоданы, мэм? — спрашивает носильщик голосом низким и почтительным.

Он стоит на достаточно близком расстоянии, чтобы сквозь дымчатую кисею вуали разглядеть мое лицо, и я чувствую, как при виде моих больших раскосых темных глаз и карминовых губ сердце носильщика начинает биться быстрее. Его вены источают теплый и пряный аромат, что-то вроде корицы.

Стоит лишь растянуть губы в благожелательной улыбке, как его пульс разгоняется еще сильнее. Яд, что таится внутри вампиров, обладает из-

вечной способностью делать их неотразимыми для своей жертвы, иначе просто не выжить. Этого недостатку я могла бы заполнить в мгновение ока. Можно наслать туман, который нас скроет, прижать беднягу к стенке вагона и, припав губами, выцедить из его горла всю жизнь до последней капли — он будет только рад и благодарно оголит на коже местечко под укус. Но стыд, холодный как лед, растворяет мой голод. Я сердито прижимаю язык к острым клыкам, которые уже так и норовят выдвинуться из десен.

— Да, будьте добры. А это я понесу сама. — Я указываю на свою кожаную сумочку.

Ни один человеческий нос не уловит запаха сырой оленины внутри, особенно если она тщательно завернута в несколько слоев вощенной бумаги, но я нахожу терпкий аромат крови и сухожилий успокаивающим. Кровь животных по сравнению с человеческой более жидкая и довольно безвкусна, но этот скудный рацион послужит мне страховкой от вреда, который я могу невзначай причинить другим. Я вполне способна на нем продержаться. *И я продержусь.*

Носильщик поднимает чемоданы на тележку и, шествуя впереди, подводит пассажирку к вагону первого класса. Здесь он ставит мой багаж в камеру хранения, а мне сует листок бумаги.

— Как прибудете в Дувр, мэм, отдайте это любому носильщику. Он почтет за честь выдать ваши вещи и доставить их куда прикажете.

Я забираюсь в раззолоченный, помпезный вагон с низким полированным потолком и стенами из роскошного красного дерева. Вдоль стен расположены обитые темно-синим бархатом кресла, изящные деревянные столики и большие окна с зеркальными стеклами. В вагоне пока еще достаточно пусто — настолько, что я могу осторожно приподнять вуаль и взыскательно оглядеться...

Внезапно взор мой выхватывает воистину ужасающую картину.

Чуть справа от меня стоит невысокая женщина, вся с головы до ног закутанная в черное. Изящная рука приподнимает вуаль, открывая бледное, забрызганное кровью лицо. Алые капли змеятся по щекам, подобно каким-нибудь червеобразным живым созданиям; белки глаз и те набрякли красным, как будто кто-то вспорол артерию, а порыв дьявольского ветра обдал всю ее кожу брызгами темной крови.

Тихонько ахнув, дама роняет вуаль... и тут до меня доходит, что я смотрю на свое собственное, болезненно искаженное отражение. Этот вагон весь увешан зеркалами, в одном из которых видна моя ужасная тень — свидетельство того, кем я теперь стала по своему собственному выбору: я сейчас вижу то, что можно узреть только в отражающих поверхностях.

Кто-то вблизи деликатно прочищает горло:

— Мэм, вы позволите пройти?

— Ой, простите, — извиняюсь я, выходя из транса.

Оказывается, позади в проходе уже успела образоваться небольшая очередь из нетерпеливых пассажиров. Я легонько прижимаю вуаль к лицу и ступаю дальше, зная, что никто даже не подозревает о том, сколь чудовищную картину я только что лицезрела. А если бы окружающие все же заметили?

Вспоминаю строгие внушения Влада: «Ты ни под каким видом меня не выдашь, никогда и никому обо мне не скажешь». Истеричный смех едва не прорывается наружу, когда я представляю, как объясняю ему, что невзначай повергла в панику целый вагон. «По какой-то причине, — мысленно оправдываюсь я, — они увидели и сразу невзлюбили мое отражение в зеркале, забрызганное кровью». В ответ Влад, возможно, наконец-то оторвет мне голову, как то и дело грозитя. Ох уж эта новая, самая безрассудная супруга, которая и без того подвергла опасности его пребывание в Англии, прежде чем ее удалось благополучно сплавить в отдаленный замок, спрятанный в глубине Карпатских гор.

Однако любопытно, взбеленился бы Влад — или же пришел бы в замешательство? Сам он не отражается в зеркалах вообще: алхимия света, стекла и серебра его не различает. У меня же проклятие вампиризма проявляется по-иному, и я старательно скрываю эту свою особенность, стараясь лишний раз о ней не думать, ибо знаю, что Влад спосо-

бен читать мои мысли. Возможно, когда-нибудь я научусь использовать упомянутое свойство в собственных интересах.

Солнечный свет обильно льется в вагон, окутывая меня успокоительным теплом. Вот еще одно отличие: по словам Влада, солнце кромсает его на куски будто ножами, тогда как я по-прежнему могу поднимать лицо к небу в ясный день, как будто никогда и не менялась. Словно бы я — все еще та прежняя Люси, которая передвигается быстрой легкой походкой, танцует на утесах в Уитби, где вольно дышится морским воздухом, а затем возвращается домой к своей матери и возлюбленному, чьи карие глаза при виде нее загораются теплым светом.

Воспоминание об Артуре Холмвуде — как он прикасается к моему лицу и приникает губами к волосам — заставляет меня облокотиться на стол; внутрь, вонзая острые зубы в мое холодное мертвое сердце, прокрадывается безнадежная тоска.

— Мэм? — подает осторожный голос джентльмен сзади меня.

Я чувствую запах содержимого его жил, равно как и жил других людей, входящих в вагон. Повсюду витает пьянящий аромат крови, соли и пота, и, хотя я позаботилась как следует подкрепиться перед выездом, мне все же не следует оставаться среди таких соблазнов. Во всяком случае, когда Влад может наблюдать за каждым моим шагом изнутри моего сознания.

Я спешу в конец вагона, где в купе есть раздвижные стеклянные двери и шторы для уединения. Сейчас лучше всего спрятаться от любопытных глаз и вен, набухающих горячей кровью.

Я замечаю идущего по коридору мужчину в шляпе и длинном светло-коричневом плаще. Я вижу этого человека со спины, но что-то в его фигуре и в хищной упругости его походки кажется настолько знакомым, что аж дыхание перехватывает. У меня почти нет сомнений в том, что это не кто иной, как Квинси Моррис. В любой момент он может обернуться, и я увижу его мужественное лицо цвета эбенового дерева, с широким носом и темно-карими глазами, у которых, когда он улыбается, появляются лучики морщинок. Да вот только мне он больше не улыбнется никогда.

Квинси Моррис, который пылал ко мне любовью и мечтал увезти с собою в Новый Свет.

Квинси Моррис, который теперь желает моей гибели.

Мужчина исчезает в купе, и, хотя я знаю, что это не может быть мой бывший друг (он сейчас уже наверняка на корабле, держащем курс в Америку), в трещины моей разбитой души вновь просачивается отчаяние. Смерть однажды воззвала ко мне нежным, медоточивым голосом, и я открыла ей свои объятия и сердце — мечтая вновь воссоединиться с теми, кого любила и навеки утратила, особенно с моим дорогим папá. Но теперь, когда я отдала себя во власть Смерти и отныне неразрывно связана

с нею навеки, я понимаю, что совершила глупость. Ибо все, кого я знаю, один за другим сойдут в могилу, а я навсегда останусь в этом треклятом существовании — пойманная в ловушку, одинокая и полная сожалений.

К горлу подступает комок. Но терять самообладание нельзя. Я просто не могу позволить себе этого здесь, на глазах у всей публики. Если так уж хочется разрыдаться, надо найти какое-нибудь укромное и безопасное место, где меня никто не увидит, и забиться туда. Но, похоже, все места вокруг заняты. При этой мысли паника в моей душе нарастает и... внезапно переплавляется в надежду и даже радость, столь же необузданную.

В купе слева я вижу Мину в сером с голубоватым отливом дорожном костюме и шляпке, кокетливо сидящей на ее пышных золотистых волосах. Отвернувшись, Мина смотрит на оживленный перрон, в то время как некий молодой человек напротив что-то бубнит, безуспешно пытаясь привлечь ее внимание. На вид ему лет двадцать пять — светлые волосы, безвольный подбородок, водянисто-голубые глаза... Почувствовав на себе мой взгляд, он недовольно нахохливается, но я не обращаю на это ни малейшего внимания.

Тут девушка оборачивается, и я вижу, что это не Мина, а всего лишь какая-то незнакомка, отчасти на нее похожая. Моя подруга никогда бы не нацепила шляпку под таким ухарски-кокетливым углом и не встретила бы взгляд другой женщины

столь дерзко. Незнакомка смотрит на меня без всякого смущения, даже, пожалуй, с некоторым вызовом, а выражение лица у нее при этом одновременно отчужденное и фамильярное: брови над небесно-синими глазами изогнуты, а губы кривятся при виде моего явного восхищения (адресованного, конечно же, вовсе не ей). Спутник девушки произносит что-то неслышное через стекло, но заметно, что говорит он раздраженным тоном. Я отворачиваюсь, слегка сконфуженная. Надо же, как чутко отреагировало мое безжизненное сердце, встрепенувшись при виде знакомки, на чьем лице я узрела любимые черты Мины.

— Вы ищете, где бы присесть? — шелестит сухой, как пергамент, голос.

Он принадлежит пожилой женщине из купе напротив. Ее темные глаза кажутся неуместно молодыми на изрезанном глубокими морщинами лице. Руки унизаны массивными золотыми кольцами, а дорожная накидка сшита из роскошного бордового бархата. Дама говорит с заметным акцентом, присущим выходцам из Центральной Европы.

— Очень неудобно вас беспокоить... — начинаю я.

Она прерывает меня властным взмахом морщинистой руки — жестом человека, который привык, что ему повинуются.

— Вздор. Я путешествую без горничной и не прочь обзавестись компанией. Так что входите.

Я обещала Владу во время путешествия вести себя *осмотрительно*... Однако куда как рискованней сидеть четыре часа в переполненном вагоне, чем запереться в купе с престарелой дамой, запах несвежей крови которой меня совершенно, ну ни капельки, не прельщает. К тому же она сама пригласила меня войти, да еще так настойчиво, будто втянула на веревке. Мы с Владом можем по-разному реагировать на солнечный свет и зеркала, но что нас объединяет, так это непротивление приглашениям наших жертв. А потому, кивнув в знак благодарности, я вхожу и задвигаю стеклянную дверь.

— И что же, я не увижу лица моей попутчицы? — задает дама вопрос, едва я усаживаюсь напротив нее.

— Я, видите ли, вдова и должна иметь уважение к праху усопших, — отвечаю я дежурной фразой.

Признаться, эта вуаль раздражала меня все утро, и я приподнимаю темную кружевную ткань на верх шляпы, а после минутного колебания снимаю и свои длинные черные перчатки.

Пожилая женщина неторопливо переводит взор с моего лица на руки, изучая украшения. На правой руке у меня два кольца. Первое — серебряное с зеленым нефритом — семейная реликвия моей прабабушки Вань, некогда блиставшей при дворе вьетнамского императора. Второе — золотое, с бриллиантом и двумя изумрудами — подарил мне Артур на помолвку. Была мысль носить его на цепочке

под платьем, чтобы как-то загладить душевную боль, оживающую всякий раз, когда я смотрю на это колечко, но мне так и не хватило духу снять его. А на левой руке — медный перстенок с кроваво-красным гранатом, который Влад с самодовольным видом надел мне на безымянный палец в знак обладания мною.

— Что-то вы слишком молоды для вдовицы, — замечает моя пожилая попутчица.

— А вот я себя молодой не чувствую, — печально улыбаюсь я в ответ.

Это ведь ложь — заявлять, что я вдова, когда на самом деле я супруга мужчины, которого никак нельзя считать живым? Или же, напротив, в этом как раз и заключается правда?

В немигающем взгляде моей спутницы читается странное, настороженное узнавание.

— Мы разве прежде встречались? — спрашиваю я с многозначительной усмешкой. — Вы рассматриваете меня так тщательно, словно пытаетесь вспомнить, где мы виделись раньше.

Она пожимает плечами:

— Нет, *вас* я вижу впервые. Хотя и встречала кое-кого, очень на вас похожего.

Наступает долгая неловкая пауза, в ходе которой я дивлюсь про себя: как же быстро эта дама распознала во мне что-то неестественное! А затем она добавляет:

— В смысле, женщину с азиатскими корнями.

Я испытываю облегчение. И поясняю:

— Моя прабабушка была вьетнамкой. Прадедушка увез ее с собой в Англию, а их дети и внуки уже вступали в браки только с англичанами. Но во мне все же есть азиатская кровь.

Папá не раз говорил, что темные глаза достались мне от Вань — или Ванессы, как она называла себя после замужества, — и что ему часто кажется, будто это она смотрит на него через меня. Я снова испытываю отчаяние. Оно подобно разверзшейся передо мной могиле, на краю которой я постоянно балансирую. Я делаю медленный, прерывистый вдох и вижу, как лицо моей собеседницы смягчается.

— Будем знакомы. Я баронесса Элизабет фон Бассевиц, — представляется она.

— Очень приятно, Люси Вестенра.

Тут в дверь энергично стучат, и в купе, пощелкивая своими щипчиками-компостером, заходит кондуктор. Уже с порога чувствуется, как бурлит его кровь, как кипит в венах жизненная сила. Я ощущаю привкус собственной крови и понимаю, что из нёба готовы вот-вот показаться кончики клыков.

«Я сыта, — внушаю я себе. — Кровь этого человека мне не нужна, а потому с моей стороны опасность ему не грозит».

С веселыми прибаутками кондуктор пробивает билет баронессы, а когда оборачивается ко мне, я мысленно возношу благодарность за то, что яд действует на меня столь своеобразно: если у Влада

голод превращает глаза в эдакие смоляные буркалы, горящие воспаленным красным огнем, то у меня они остаются прежними, без всяких изменений. Кондуктор берет билет и восхищенно замирает, заметив мою красоту.

— Э-э-э... Вам не слишком жарко, мэм? — угодливо спрашивает он, бросая взгляд за окно. — Это бессовестное солнце так и шпарит на ваше прелестное личико! Опустить вам жалюзи?

Я качаю головой:

— Спасибо, не нужно. Я люблю смотреть на природу.

— Да какая же это природа! — снисходительно возражает кондуктор. — Пока сплошное мелькание домов и улиц. Позвольте, я опущу жалюзи, специально для вас. А потом сами их поднимете, когда за окном прибавятся деревца да и солнце станет не таким ярким.

Кондуктор хочет сделать как лучше, он и понятия не имеет, кто я такая, однако его решимость укрыть меня от солнца действует на нервы.

— Очень вас прошу, не трогайте окно, — говорю я, но что-то в моей мимике, похоже, затмило ему рассудок.

Лучась блаженной улыбкой, он тянется к шнуру жалюзи.

— Сию минуту! Сейчас мы, ради вас...

Я беру кондуктора за запястье — вполне себе легкое прикосновение, но его лицо бледнеет, и, сжав челюсти, бедняга буквально отлетает в сто-

рону. А когда я отпускаю кондуктора, на его бледной коже видны красные отпечатки моих пальцев.

— П-прошу прощения, — заикаясь, лепечет он и пятится из купе в коридор так быстро, что чуть не сбивает там кого-то с ног.

— Эй! Потише, дорогуша! — доносится оттуда веселый женский голос с характерным американским акцентом.

И вновь в моей памяти всплывают воспоминания о Квинси Моррисе: такой же вот протяжный голос, звонкий смех, его рука на моей талии, когда мы танцуем... и отблеск лунного света на его револьверах, нацеленных мне прямо в сердце.

— Вы меня чуть не расплющили. — Когда женщина продолжает говорить, я понимаю, что ее акцент несколько отличается от того, что был у Квинси.

Кондуктор ошарашенно извиняется и уходит, бросив на меня напоследок нервный взгляд. В дверях нашего купе стоит та самая незнакомка, столь похожая на Мину, что сердце мне вновь сжимает тоска. Я пытаюсь сосредоточиться на различиях в их внешности. Эта женщина явно выше ростом, и плечи у нее более широкие; у Мины талия тоньше, да и линия скул значительно мягче. И говорит американка звучным контральто, а не нежным медвяным голосом, как моя подруга.

— Элеонора Райт-Дэвис, вся как есть к вашим услугам, — с порога объявляет гостья. — Мой благодарный, слава богу, наконец заснул, вот я и реши-

ла подойти к вам и хотя бы поздороваться. Можно я присяду ненадолго?

— Благоволите, миссис Райт-Дэвис, — отвечает баронесса, учтиво наклонив голову.

— Да перестаньте, что за церемонии. Просто Нелл. Я замужем всего без году неделя, а потому еще не вошла во вкус и не привыкла к этой затейливой фамилии.

К моему разочарованию, новоприбывшая садится рядом с баронессой. Но когда глаза ее отыскивают мое лицо, я понимаю, что с этой выгодной позиции она может сколько угодно смотреть на меня... а я на нее.

Когда мы с пожилой дамой представляемся, Нелл изумленно воздевает брови:

— Баронесса? Я вижу, Англия буквально кишит всевозможными лордами и леди. Даже и не знаешь, с кем разговариваешь: а вдруг с членами королевской семьи?

— Какой у вас любопытный акцент. Случайно, не техасский? — интересуюсь я.

Нелл добродушно смеется:

— Англичане думают, будто мы там все разговариваем как ковбои. Но лично я из Нью-Йорка. Я понимаю, что это довольно дерзко с моей стороны, но как истинная американка не отличаюсь скромностью и хотела бы попросить вас рассказать о себе. Давайте начнем с вас, баронесса? Вы, похоже, интересная женщина.

Дао Дж. С.

Д 19 И сгустился туман. Кн. 2 : И забрезжил рассвет : роман / Джули Си Дао ; пер. с англ. А. Шабрина. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 400 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-30798-8

История «идеальной женщины эпохи» продолжается! Своенравная Люси Вестенра, героиня знаменитого романа Брэма Стокера, встречает загадочного графа по имени Влад. Перед его обаянием устоять невозможно, и Люси соглашается на то, чтобы он превратил ее в вампира. Жалеть о принятом решении поздно, и поскольку впереди целая вечность, надо провести ее с пользой. Люси отправляется в путешествие, заводит новые знакомства и отчаянно борется со своей кровожадной природой. Между тем старые друзья и покинутый жених Люси не желают мириться с потерей и надеются исправить роковую ошибку. Однако находятся те, кто считает новообращенную вампиршу опасной. Они твердо убеждены, что ей не место на земле, и охотятся за ней по всей Европе. Тем временем вечный ревнивец и манипулятор Влад затевает новую игру в кошки-мышки. Он обращает свой взор на Мину, лучшую подругу Люси, и той придется призвать на помощь весь свой ум и все мужество, чтобы противостоять не только своим врагам, но и ненасытному графу.

В 2025 году роман Джули Си Дао «И сгустился туман» получил премию Ассоциации романтической литературы как лучшая книга в категории «романтическая фэнтези». «И забрезжил рассвет» — потрясающее завершение дилогии, в которой переосмыслен миф о Дракуле.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖУЛИ СИ ДАО
И СГУСТИЛСЯ ТУМАН
Книга 2
И ЗАБРЕЗЖИЛ РАССВЕТ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Крисько, Людмила Дубова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,5. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-39999-01-R